

Глава третья ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

После Петра Великого осталась целая толпа наследников: две дочери от брака с Екатериной: Анна и Елизавета; три племянницы, дочери его брата Иоанна: Екатерина, Анна и Прасковья; его внук, сын погибшего в 1718 году царевича Алексея 10-летний Петр Алексеевич; наконец, вдова Екатерина Алексеевна. Кто из претендентов располагал наибольшими шансами занять престол? Если руководствоваться обычаем, которого придерживались предшественники Петра Великого, то наследовать деду должен был его внук, Петр Алексеевич. Суть обычая состояла в наследовании трона по прямой нисходящей мужской линии: от отца к старшему сыну, от того – к внуку и т. д.

Рационалисту Петру такой порядок представлялся неприемлемым, прежде всего потому, что судьба трона определялась случаем: на престоле мог оказаться недостойный представитель династии только потому, что он был старшим. На этот счет царь руководствовался соображениями, подсказанными собственным опытом: в 1682 году после смерти царя Федора Алексеевича владельцем царской короны должен был стать старший брат покойного – Иван Алексеевич – подслеповатый, косноязычный, отсталый в умственном развитии молодой человек. Благодаря усилиям патриарха Иоакима на троне оказалось сразу два царя – Иван и Петр, вследствие несовершеннолетия правившие страной под опекой старшей сестры Софьи.

На решение Петра, несомненно, повлияла и судьба его собственного сына царевича Алексея, не разделявшего стремлений отца европеизировать Россию и намеревавшегося повернуть ее историю вспять. Если бы Алексей пришел к власти, то все усилия царя пошли бы прахом и колоссальные жертвы, понесенные подданными в десятилетия затяжной и кровопролитной войны, оказались бы впустую; страна вернулась бы на задворки Европы.

Два прискорбных эпизода дали основание царю опубликовать в феврале 1722 года «Устав о наследии престола», устанавливавший новый критерий, по которому определялось право занять трон: при наследовании трона надлежало руководствоваться не принципом старшинства в династии, а способностью претендента управлять страной, причем эти способности определял ныне царствующий государь – «кому оной хочет, тому и определит наследство». Более того, «Устав о наследии престола» предоставлял право царствующему государю, «видя какое непотребство» наследника, изменить свое решение, передав трон «достойному».

Принцип, которого придерживался законодатель, был не нов – как уже говорилось, он заимствован из Указа о единонаследии 1714 года. «Устав о наследии престола» придал норме семейного права значение акта государственного масштаба. Эти два установления сближает одна общая черта – стремление держать сыновей в послушании родителя: сына помещика, чтобы он не «расточил наследства», а сына государя, чтобы «собранное и утвержденное наше отечество паки в расточение не упустил».

Петр, однако, не воспользовался им же установленным правом назначить наследника. Завещания он не оставил. О причинах, по которым это произошло, историку приходится лишь догадываться. Возможно, Петр не сознавал опасных последствий своей болезни и рассчитывал, что ему удастся благополучно из нее выкарабкаться, как это бывало в предшествующие годы. На этот раз болезнь оказалась смертельной, но не отходившая от постели умиравшего супруга из опасения вызвать его гнев не решалась напомнить об указе о наследнике.

Не меньшего внимания заслуживает и другая версия: императорская коронация

Екатерины в мае 1724 года имела не декоративное значение, а преследовала практическую цель – убедить подданных в том, что супруга царя, иноземка по происхождению, не имеющая никакого родства с правящей династией, претендует на такие заслуги перед страной, которые дают ей право занять трон. На наш взгляд, прижимистый царь не стал бы бросать на ветер огромные средства ради удовлетворения честолюбия любимой супруги, поэтому версия, согласно которой коронация одновременно представляла собой объявление ее наследницей престола, кажется наиболее вероятной.

Царю, конечно же, были известны недостатки «Катеринушки». Они не были секретом даже для постороннего человека – дипломата Мардефельда, считавшего, что после смерти Петра «нельзя питать те же упования на управление женщиной, которые вызывались умом и твердостью героя монарха».¹ В деловом плане царь полагался не на Екатерину, а на своих соратников: его окружение было одновременно и окружением супруги, и он полагал, что «птенцы гнезда Петрова» будут вести страну по курсу, им намеченному. Правда, М. М. Щербатов еще во второй половине XVIII века категорически утверждал, что «Петр Великий не с тем ее (Екатерину I. – *Н. П.*) венчал царским венцом, чтоб ее наследницею своею учинить, ниже когда того желал».² Щербатов, однако, никак не мотивировал свое мнение и не назвал каких-либо других целей коронации.

Среди сторонников восшествия на престол Екатерины были виднейшие соратники Петра: Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, Апраксин и др. В противовес им существовала и другая «партия», которая активно поддерживала вступление на престол законного наследника – внука Петра Великого. В ее состав входили представители двух родовитейших кланов страны – Долгорукие и Голицыны, а также князь Репнин и старший брат адмирала Ф. М. Апраксина Петр Матвеевич Апраксин. Десятилетний великий князь Петр Алексеевич как личность и тем более как государственный деятель в то время, естественно, ничего из себя не представлял. Но он являлся как бы знаменем явных и тайных противников преобразований.

В ночь на 28 января во дворце, где агонизировал царь, собрались вельможи, чтобы решить вопрос, кому наследовать престол. Д. М. Голицын, самый опытный и умный представитель «партии» великого князя, здраво оценив соотношение сил своих сторонников и сторонников Екатерины, пришел к выводу, что перевес у противной «партии», и предложил хитроумный план, крайне опасный для новой знати: возвести на престол великого князя, а регентство до его совершеннолетия поручить Екатерине. П. А. Толстой сразу же разгадал коварность замысла Голицына, грозившего новой знати суровой расправой, и произнес против него пространный монолог:

«Это распоряжение именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая внимания на регентство». Далее Толстой произнес лукавые слова, которые должны были убедить слушателей, что только воцарение Екатерины могло принести стране счастье и покой: «При настоящих обстоятельствах Российская империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами

¹ Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1876. С. 257.

² Щербатов М. М. Соч. Т. 2. С. 169.

императора, и который бы в то же время отличался милосердием для содержания народа счастливым и преданным правительству; все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага, и в частности не сделавши никому зла».³

В этом панегирике соответствует истине лишь один факт: наличие в натуре Екатерины Алексеевны чисто человеческих привлекательных качеств – милосердия и доброты. Их притягательную силу отметил прусский посол Мардефельд: Екатерина, полагал он, получила возмездие за свое хорошее обращение со всеми при жизни царя, так как она «часто своею кротостью отклоняла гнев его и из всех сил помогала утесненным, и в особенности за личную любовь, приобретенную ею у солдат в походах, в которых она сама участвовала».⁴ Что касается прочих добродетелей, приписанных Екатерине, то они являются чистым вымыслом. Никаким мужеством и твердостью в государственных делах императрица не владела, равным образом как и искусством царствовать.

За высокопарными словами Толстого скрывалась не забота о благоденствии государства, а простое желание сохранить свою жизнь, материальное благополучие и в конце концов выйти невредимым из ожидавшихся политических потрясений. Короче говоря, Меншиков, Головкин, МусинПушкин и многие другие, подписавшиеся в числе 123 судей, приговоривших царевича Алексея к смерти, опасались, что его сын Петр, вступив на престол и достигнув совершеннолетия, станет им мстить за гибель своего отца. Среди подписей судей первой стояла фамилия Меншикова, за ней Апраксина, Головкина, тайных советников, сенаторов, генералов, полковников и множества мелких военных и гражданских чиновников. Подпись П. А. Толстого в этом списке стояла на девяностом месте, но несомненно, что именно на него падала главная вина в том, что царевич оказался в застенках Тайной канцелярии, трижды подвергался пыткам и, не выдержав их, погиб. И Толстой, и Меншиков не сомневались, что станут первыми жертвами мести сына за смерть отца. Именно эти опасения вынуждали их всеми мерами не допустить к трону великого князя.

Страх за свое будущее объединил усилия потенциальных жертв юного Петра Алексеевича и побудил их к решительным действиям в пользу восшествия на престол Екатерины. По складу характеров Меншиков и Толстой великолепно дополняли друг друга и в союзе представляли грозную силу. Толстой обладал незаурядными дипломатическими способностями, умением убеждать собеседника словом и искусно разрабатывать стратегию и тактику борьбы с соперниками. Меншиков, напротив, был лишен этих качеств, зато природа щедро наградила его отвагой, решительностью и способностью силой добиваться желаемых результатов.

Оба могли вполне рассчитывать на полное согласие Екатерины владеть короной. По степени близости к Екатерине Меншиков был вне конкуренции, ибо ему прежде всего она была обязана тем, что стала супругой императора. Екатерина не раз выручала из беды светлейшего, то и дело оказывавшегося в немилости у Петра, грозившего лишить его богатства, чинов и званий. Пользовался доверием императрицы и граф Толстой, организатор пышных коронационных торжеств.

Кроме того, по слухам, Толстой оказал Екатерине еще одну важную услугу. Петр вступил в интимную связь с дочерью молдавского господаря Марией Кантемир

³ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. М., 1993. С. 541, 542.

⁴ Сб. РИО. Т. 15. С. 251, 252.

– женщиной, отличавшейся умом и образованностью. Она оказалась беременной, и царь будто бы намеревался жениться на ней, если она родит ему наследника. По совету Толстого Екатерина решила избавиться от возможного наследника, а заодно и от соперницы. В Астрахани Марию угостили каким-то зельем, вызвавшим выкидыш, и Петр охладил к ней.

Приятельские отношения между Меншиковым и Толстым сложились задолго до того, как над ними нависла общая опасность – они ведут начало с 1714 года, когда Петр Андреевич завершил свое пребывание в качестве посла в Стамбуле. К этому времени в судьбе каждого из них прослеживаются диаметрально противоположные тенденции: Толстой набирал силу, его карьера находилась на подъеме, росло доверие к нему царя, в то время как зенит могущества Меншикова остался позади и он то и дело своей ненасытной алчностью вызывал гнев царя.

Следы близости двух вельмож сохранили письма, которыми они обменивались во время второго путешествия царя за границу, когда Толстой находился в его свите в Амстердаме и Париже, а затем отправился в Неаполь и Вену в поисках царевича. Оба они обращались друг к другу с различными просьбами и охотно выполняли их. «Премного благодарствую за высокую вашей светлости милость к домашним моим», – писал Толстой в 1716 году, а в следующем году, находясь в Париже, благодарил «за прочие милостивые к дому моему призрения». В других письмах Толстой обращался к Меншикову за покровительством своему сыну Ивану: «О чем будет просить сын мой Иван, благоволи показать в том милость и великое споможение»; в другой раз он просил «содержать во своей милости сына моего Ивана, как мне изволили милостиво обещать».

Иногда просьбы Толстого носили конкретный характер. Так, взрыв порохового погреба в Петербурге разрушил дом Толстого, и он просил петербургского губернатора помочь его восстановлению: «дать мне работников для собрания разметанного двора моего». Одно из писем, отправленное из Вены, связано с делом царевича Алексея: Петр Андреевич был уверен, что далеко не все одобряли его усердие в возвращении царевича в Россию. В письме, отправленном 21 августа 1717 года, наряду с обычной просьбой «содержать меня в высокой своей милости», имеется просьба защитить его от нападков недоброжелателей: «... в прибытии его царского величества в С.-Петербурх милостиво меня охранить, ежели кто из немилостивых ко мне похочет меня в чем вредить».

Некоторые записки Петра Андреевича иллюстрируют, выражаясь современным языком, «телефонное право» тех времен. «Прошу вашу светлость о сем листоподавце, сотвори к нему милость в прошении ево, понеже отец ево приятель мне и убедил меня просить об нем вашу светлость». Еще более выразительна другая цидулка, полученная Меншиковым в том же 1718 году. В ней Толстой просил светлейшего пристроить «листоподавца» на доходное место провиантмейстера, «понеже того чина достоин». Основание: «...понеже отец ево мне добрый приятель и свойственник».

Услуги Толстого Меншикову были менее значительными, ибо он располагал сравнительно скромными возможностями, хотя светлейшему они оказывались тоже полезными. 5 ноября 1716 года Толстой извещал Меншикова из Шверина о своем ходатайстве перед Екатериной, чтобы та «милостиво к вашей светлости изволила спомоществовать». Предметом разговора с царицей скорее всего были долги Меншикова казне. Посредническую роль Толстой выполнил еще раз. Князь послал ему письмо с перечнем работ, выполненных им за время отсутствия в столице царской четы, и просил прочесть его царице. Петр Андреевич выполнил поручение и тут же поделился произведенным впечатлением не только на царицу, но и на ее супруга: «Могу вашу светлость уверить, что во всех делах труды и управление вашей светлости его царскому величеству и государыне царице зело угодны».

При случае Толстой готов был предупредить князя о грозившей тому опасности, например, о попытке Речи Посполитой лишить его земельных владений: «Король и Речь Посполитая намерены начать противное делать как о чине, так и о маетностях вашей светлости».

Самая серьезная опасность подстерегала Меншикова, когда он присвоил себе город Почеп на Украине и его обширную округу. Это дело в 1718–1719 годах еще не привлекло внимания царя, но князь, с порога отвергавший все выдвинутые против него обвинения, все же полагал, что ему несдобровать, если расследование возьмет в свои руки царь. Именно поэтому Меншиков лихорадочно спешил закрыть почепское дело, используя ходатайства множества людей, в том числе и Толстого. Петр Андреевич не заставил себя уговаривать. «Получил я вашей светлости письмо от господина Писарева о известном деле», – извещал он Меншикова. Под «известным делом» подразумевалось почепское дело. Тут же высказана готовность порадеть: «Буду трудиться по изволению вашей светлости колико возможность будет». Из последующих писем Толстого явствует, что речь шла об отправке межевщиком почепских земель Ивана Мякинина.

Расследование почепского дела, как и финансовых злоупотреблений князя, затянулось на многие годы. Положение Меншикова Петр Андреевич не считал безнадежным. Во всяком случае полагал, что время работает на светлейшего, и ему остается лишь вооружиться терпением: «Прошу вас, мой государь, употребить на несколько времени терпения, а я уповаю, что со временем все изправится в вашу пользу».

Письма Толстого интересовали Меншикова еще с одной стороны. Когда царь и царица находились не в столице, именно от Толстого светлейший получал информацию о состоянии их здоровья. Меншикову было лучше, чем другим, известно, что ни Петр, ни Екатерина не отличались хорошим здоровьем. Не хуже он знал и другое – все, что он имел: богатство, чины и должности – было получено от царя. Случись с ним беда – не миновать беды и светлейшему. Смерть царицы тоже страшила Меншикова, правда, меньше – в этом случае он лишился бы своей заступницы, не раз смягчавшей удары петровской дубинки. Поэтому князя настораживали письма Толстого, отправленные из Копенгагена, Амстердама или Парижа с известиями о болезни царя или царицы.

Не могло не вызвать тревоги у Александра Даниловича письмо Толстого из Амстердама от 18 января 1717 года с сообщением, что царица после родов продолжала жить в Везеле, «понеже от родимой болезни еще не в совершенном здравии. К тому ж, государь, и печаль о кончине государяцаревича Павла Петровича еще свежа в памяти». Нездоровилось и Петру, причем недомогание у него, как и у супруги, носило затяжной характер. 5 февраля Толстой писал: «Его царское величество, как и государыня царица, приходят в доброе здравие». «Приходят», но еще не пришли, то есть полное выздоровление не наступило. Лишь 17 января царь впервые вышел из покоев, о чем Толстой поспешил уведомить своего корреспондента: «Его царское величество вчерашнего числа изволил из квартиры своей впервые выттить во Адмиралтейство здешнее». Чувство тревоги оставило Меншикова лишь после утешительных сведений, полученных от Толстого из Спа, где в июле царь принимал воды: «Здешняя вода немалую пользу здравию его величества приносит».

Примерно с 1722 года наступает охлаждение в отношениях между Толстым и Меншиковым. Скорее всего, это было вызвано почепским делом. Толстой, как и другие вельможи, полагал, что Александр Данилович глубоко увяз и теперь ему не выкарабкаться, падение фаворита – дело недалекого будущего.

Свидетельством утраты прежней близости могут служить письма Толстого к Меншикову из Каспийского похода царя, в котором участвовал и Петр Андреевич.

Они резко отличаются от писем, отправленных Толстым в 1716–1717 годах из Амстердама, Гааги и Парижа, насыщенных сведениями, столь необходимыми адресату. Теперь сведения о событиях, свидетелем или участником которых был находившийся на юге Толстой, полностью отсутствовали. Письма 1722 года можно, скорее всего, отнести к письмам вежливости, холодным и пустым по содержанию.

Смертельная болезнь, а затем и кончина Петра Великого вынудили Меншикова и Толстого не только восстановить прежние отношения, но и сблизиться столь тесно, чтобы от комплиментов и мелких услуг перейти к активным действиям, ибо только они могли спасти обоих от грядущей беды.⁵

В то время как родовитые люди занимались бесплодными разговорами и убеждали друг друга в благополучном исходе своих планов, Меншиков и Толстой, руководствуясь тем, что в сложившейся ситуации судьбу трона решает не закон или обычай, а сила, энергично и целеустремленно сколачивали эту силу, чтобы в нужный момент ее использовать. «Меншиков, – докладывал Кампредон, – не теряя времени, до самой кончины императора работал ревностно и поспешно, склоняя в пользу императрицы гражданские и духовные чины государства, собравшиеся в императорском дворце. Князь не жалел при этом ни обещаний, ни угроз для этой цели. Он примирился со своими врагами и уверял всех, что не преследует никаких корыстных целей, а только решился поддержать семью своего императора до последней капли крови».⁶

Поддержка гвардейцев была обеспечена значительными денежными вливаниями. В пустовавшей казне лихорадочно стали разыскивать необходимые 50 тысяч рублей, чтобы выплатить гвардейцам жалованье, задержанное за шесть месяцев. Долг был погашен уже на следующий день, 29 января. Раскошелиться пришлось и самой претендентке на трон. Из личных средств Екатерины Алексеевны (правда, с последующим возвратом) «нужным людям» были выданы крупные суммы: гвардии майору, руководителю Тайной канцелярии А. И. Ушакову – 3 тысячи рублей, командиру Преображенского полка И. И. Бутурлину – 1500 рублей, гвардии майорам С. А. Салтыкову и И. И. Дмитриеву-Мамонову – по тысяче рублей.⁷

Сторонники Екатерины сумели использовать и ораторский талант Феофана Прокоповича. Никаких усилий для того, чтобы склонить Прокоповича к «партии» Меншикова – Толстого, не требовалось, ибо он был главным исполнителем воли Петра в проведении церковной реформы, и ему противостояло сонмище духовных иерархов, сопротивлявшихся упразднению патриаршества и превращению церкви в служанку государства. В случае победы сторонников великого князя Прокоповича ожидала такая же суровая расправа, как и Меншикова с Толстым.

Когда кабинет-секретарь Петра I А. В. Макаров по требованию присутствующих заявил, что покойный император не оставил завещания, именно Прокопович выступил с решающим аргументом. Воля Петра, сказал он, была выражена актом коронации супруги – именно ее и никого другого он считал своим преемником, о чем и заявил в доме английского негодяя накануне коронации. Канцлер Г. И. Головкин подтвердил слова Феофана Прокоповича, и Апраксину как старшему сенатору осталось лишь подвести итог: воля царя священна, и ее надлежит

⁵ Павленко Н.И. Полудержавный властелин. С. 293, 301.

⁶ Сб. РИО. Т. 52. С. 428.

⁷ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 95, 106.

свято выполнять.

В разгар дебатов раздалась барабанная дробь – у дворца появились два гвардейских полка.

– Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал? – задал вопрос президент Военной коллегии фельдмаршал князь Н. И. Репнин.

Гвардии подполковник Иван Иванович Бутурлин, ставший после смерти императора полновластным командиром Преображенского полка, выходец из старинного рода, оказавшийся на стороне новой знати из-за конфликта с Репниным, ответил:

– Я велел прийти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя.⁸

Кто-то из сенаторов предложил было открыть окно, чтобы спросить у стоявших близ дворца гвардейцев и толпы людей, кого они желают видеть преемником на троне, но Меншиков пресек эту затею.

– На дворе не лето, – сказал он хладнокровно. Значимость своих слов он подтвердил приглашением в покои вооруженных офицеров.⁹

В дебаты вмешались гвардейские офицеры, заявившие, что если кто вздумает сопротивляться Екатерине, «то они разобьют головы всем старым боярам».

Рядовые кричали: «Если мы лишились отца, то мать наша еще жива!»

Угрозы подкреплялись подкупом: духовенству было объявлено о значительных льготах, гвардейским полкам из казны императрицы выдали задержанное жалованье, гвардейцы освобождались от тяжелых и бесполезных земляных работ. Так Екатерина Алексеевна стала императрицей – первой женщиной, занявшей трон в России.

События, развернувшиеся во дворце в зимнюю ночь с 27 на 28 января, примечательны в трех отношениях. Во-первых, они положили начало активному вмешательству гвардии в судьбу трона. Это вмешательство не сопровождалось кровопролитием, имевшим место во время стрелецких бунтов предшествующего столетия, прежде всего потому, что гвардейские полки при Петре и его ближайших преемниках представляли однородную социальную силу с «партией» новой знати, борющейся за власть. Во-вторых, это был дворцовый переворот, но совершенный не по классическим канонам, когда занимавшего трон законного государя свергали и заменяли своим кандидатом; события 27–28 января развивались по более упрощенному варианту – законного претендента на трон не допустили к нему. В-третьих, переворот в пользу Екатерины положил начало борьбе за корону, когда победившая «партия» выдавала свою победу за волеизъявление не только победителей, но и побежденных. Сам переворот опирался не на закон, а на силу, всегда скрывавшую подлинный ход событий. В данном случае незаконность восшествия на престол Екатерины была очевидна, но крючкотворы наспех состряпали и обнародовали 28 января манифест, в котором было сказано, что Синод, Сенат и генералитет согласно приказали во всенародное известие объявить печатными листами сообщения о кончине Петра Великого, восшествии на престол Екатерины и повеление, дабы все ей «верно служили». Коронование императрицы в 1724 году было выдано за волю Петра видеть на троне свою супругу.

Все же победителей терзали сомнения относительно того, как отреагируют на происшедшее в Петербурге Москва, являвшаяся оплотом консерватизма, а также

⁸ Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. М., 1993. С. 542.

⁹ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. М., 1993. С. 150.

60-тысячная армия, сосредоточенная на Украине под командованием отнюдь не выходца из новой знати, а потомка Гедимины, князя М. М. Голицына.

В Петербурге население отреагировало на воцарение женщины спокойно: не было замечено ни ликования, ни протестов. Отмечалось лишь глубокое сожаление о смерти Петра Великого. «Горе по случаю смерти Петра всеобщее, – доносил Кампредон, – и можно по всей справедливости сказать, что его так же глубоко оплакивают в гробу, как уважали и боялись на престоле. И действительно, только его мудрому правлению и его непрерывным заботам о распространении цивилизации в среде своего народа обязаны мы той безопасности, которой пользуются теперь здесь».

Опасения относительно москвичей тоже оказались напрасными. Отправленный в Москву гвардии майор Дмитрий Мамонов без всяких осложнений принял присягу императрице чиновной элиты старой столицы. Что же касается командовавшего украинской армией князя М. М. Голицына, то в Петербурге был разработан план его изоляции, если он вздумает поддержать великого князя. «Под каким-то предлогом его потребовали сюда (в Петербург. – *Н. П.*) немедленно, не извещая его о смерти царя, а в то же время нескольким надежным офицерам послан указ схватить князя Голицына при малейшей попытке заговора или неповиновения с его стороны». ¹⁰ Но и на Украине вступление на престол Екатерины не встретило сопротивления.

Итак, значительных по своим последствиям выступлений против провозглашения Екатерины императрицей не было. Но отдельные протесты все же засвидетельствованы.

В разных сферах общества сторонники великого князя Петра Алексеевича по-разному выражали свое недовольство провозглашением императрицы. Так, по сообщению Кампредона, «за кулисами множество людей тайно вздыхают и жадно ждут минуты, когда можно будет обнаружить свое недовольство и непобедимое расположение свое к великому князю. Происходят небольшие тайные сборища, где пьют за здоровье царевича». «Великий комбинатор» тех времен граф Бассевич предлагал успокоить общество брачными узами представителей противоборствующих «партий» – женить великого князя на принцессе Елизавете: план химерический, противоречивший канонам православной церкви, запрещавшей вступление в брак близким родственникам. Тем не менее Екатерина цепко ухватилась за этот план и даже отправила в Константинополь и Александрию своих представителей хлопотать о благословении такого брачного союза. ¹¹

Можно привести множество примеров брожения в обществе. В застенках Тайной канцелярии оказался один из гвардейцев, который так сетовал на свою судьбу: «Не х кому нам голову прислонить, а к ней государыне... господа де наши со словцами подойдут, и она их слушает, что им молвят. Так уж де она, растакие матери (так облагораживали писцы Тайной канцелярии нецензурную брань. – *Н. П.*), сожмут у нас рты? Тьфу де, растакая мать, служба наша не в службу! Как де вон, растаких матерям, раздала деревни дворов по 30 и болше... а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденного яйца не дала». ¹²

В феврале 1726 года было даже осуществлено два покушения на жизнь императрицы. Во время учения гвардейских полков, за которыми из окна первого этажа дворца наблюдала императрица, раздались два залпа; первым из них был

¹⁰ Сб. РИО. Т. 52. С. 437, 444.

¹¹ Сб. РИО. Т. 64. С. 105, 154, 348.

¹² Курукин И. В. Указ. соч. С. 107.

ранен в руку и в бок находившийся недалеко от императрицы лакей Пушкин, а вторым убит стоявший от нее в четырех шагах новгородский купец. «Царица заметила довольно спокойно, что не несчастному купцу предназначалась эта пуля». В марте того же года палач публично сжег пасквиль, в котором Екатерину «называют похитительницей власти, резко порицают ее частную жизнь и говорят, что она не стесняется нарушать законы и начала правления, установленные покойным царем, допускает иностранцев и еретиков до участия в важнейших делах государства и что непонятно ослепление русских, до сих пор не открывших глаза на все это». В столице носились слухи, что царица, подчиняясь совету герцога Голштинского, намерена понемножку наполнить два гвардейских полка ливонцами и шведами.¹³

Наблюдения иностранного дипломата подтверждают документы Преображенского приказа. В Костромской провинции двое братьев раскольников «из подлого народа» отказались присягать Екатерине и присягнули только под угрозой повторной пытки. Другие ослушники заявляли так: «Креста целовать не буду, если женщина царем, то пусть и крест целуют женщины». Одна монахиня говорила: «Я за царицу Бога не молю, молю Бога за царевича, какая она царица?»¹⁴

В ноябре 1725 года были казнены два самозванца, выдававшие себя за сыновей покойного царя. Один из них был похож на Петра как две капли воды. Любимец царской четы Яков Волков оказался в опале: «за противные его слова против персоны ее императорского величества» его сослали на Соловки.¹⁵

Протесты, как видим, носили разрозненный характер. Те, кто открыто выражал их, оказывались в застенках Преображенского приказа, подвергались жесточайшим истязаниям. Эти истязания вызывали нервное расстройство даже у видавшего виды Ивана Ромодановского, наследовавшего от отца должность руководителя учреждения, занимавшегося политическим сыском. По словам Кампредона, Иван Ромодановский, «давно уже привыкший к зрелищу пыток, говорил на днях одному своему приятелю, что не в состоянии более выносить ужасов, которые ему пришлось видеть».

О том, что воцарение Екатерины не вызвало всеобщего ликования, свидетельствует и официальный документ, отметивший 6 января 1727 года (разумеется, без особого восторга), что в городах и уездах «многие злодеи в непристойных и противных словах против персоны его императорского величества, также и ныне благополучно владеющей ее императорским величеством, в Преображенском приказе, что говорили те слова спроста, а иные спьяна». Указ грозил виновным смертной казнью «без пощады».

Продержись Екатерина на троне еще несколько лет, и, быть может, протест против царствования иноземки, покровительствовавшей герцогу Голштинскому, приобрел бы более широкий размах и вылился бы в заговоры и перевороты. Во всяком случае, симптомы появления немецкого засилья, пышно расцветшего при Анне Иоанновне, наблюдались уже в царствование Екатерины I, когда набрали силу ее зять герцог Голштинский, ее фаворит Левенвольд и непотопляемый и незаменимый Остерман.

¹³ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 344–346.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 64. С. 135.

¹⁵ Курукин И. В. Указ. соч. С. 108.